

КОНФЕРЕНЦИЯ В ЧАТОКУА*

Богдан Нагайло

„ГЛАСНОСТЬ” И КОНФЕРЕНЦИЯ В ЧАТОКУА

Признаюсь, я был несколько растерян, когда утром, в первый день конференции в Чатокуа, раздвинув занавески на окне в своем гостиничном номере, я увидел развевающийся советский флаг. Так гостеприимные жители Чатокуа встретили советских гостей. Этот курортный городок был заполнен „русскими”. Это были посланники из свиты Горбачева, командированные в одну из крепостей, олицетворяющих Америку.

На пути в гостиницу „Атэнауи”, где каждое утро проводились брифинги, местные жители часто принимали меня за советского — старушки дарили мне открытки и просили сфотографироваться вместе с ними. „Мы так рады вашему приезду”, — сказал мне пожилой мужчина с антиядерной эмблемой на куртке и приветливо похлопал меня по спине. Вряд ли представители Москвы могли сыскать более подходящее место для пропаганды горбачевской политики „гласности”, нежели этот очаровательный городок — островок интеллектуалов, интересующихся религией, культурой и политикой, обеспеченных материально и при этом с заметным „левым” уклоном.

* Конференция состоялась с 24 по 28 августа 1987 г. в американском курортном городке Чатокуа на северо-западе штата Нью-Йорк — одном из центров политической и культурной жизни США.

Но мои опасения, что новая порода советских представителей легко выполнит свою миссию, развеялась очень быстро. Еще во время торжественного открытия конференции, когда тысячи американцев с гордостью пели свой гимн, советские гости вынуждены были признать, что в Соединенных Штатах люди, которые открыто критикуют политику своего правительства, скажем, по отношению к Никарагуа, остаются при этом горячими патриотами. С этого первого момента стало ясно, что советская политика „гласности”, которая до сих пор была предметом изучения специалистов, здесь в Чатокуа подвергнется проверке со стороны широкой публики.

Конференция в последней неделе августа нынешнего года была уже третьей конференцией такого рода. Первая состоялась в Чатокуа в 1985 г. (об этой конференции мы сообщали в 13–14 номере „Проблем Восточной Европы”. — Ред.) и по сравнению с конференцией 1987 г. была сравнительно небольшой. За ней последовала конференция или, как ее называют в СССР, встреча советской и американской общественности в Латвии, в курортном городе Юрмале. Во время этой встречи в Москве был арестован американский журналист Николас Данилов, что омрачило атмосферу этой встречи. И все-таки конференция в Юрмале стала сенсационной, поскольку обе страны были представлены высокими официальными лицами, высказывавшимися весьма откровенно. Делегацию Соединенных Штатов возглавлял Джон Мэтлок, в то время помощник президента Соединенных Штатов, а ныне посол США в Москве. Тогда, в Юрмале, Соединенные Штаты подтвердили, что американское правительство не признает включения Латвии, Литвы и Эстонии в состав СССР во время второй мировой войны, из-за насильственного характера этой акции. Советские средства массовой информации довольно широко освещали конференцию в Юрмале и это, безусловно, усилило ее значимость.

На этот раз, в соответствии с новым стилем общественной дипломатии, делегация в Чатокуа была самой многочисленной из всех когда-либо командированных из СССР в США, и весьма разнообразной по составу. Она состояла из 240 человек, в их числе партийные и государственные работники, религиозные

деятели, представители науки и культуры, журналисты и рабочие. Представительность советской делегации, готовность ее участников отвечать на вопросы журналистов и публики свидетельствовали, что горбачевское руководство рассматривает конференцию в Чатокуа как уникальную возможность использовать новую технику советской пропаганды в самом центре „капиталистического мира”.

Советские представители, от самых высокопоставленных до рядовых, были хорошо подготовлены. Они спокойно отвечали на вопросы, которые еще несколько лет тому назад отвергались ими как провокационные: — о войне в Афганистане, о правах человека, о судьбе балтийских государств, о положении в странах Восточной Европы и т. д. Ответы редко бывали удовлетворительными, а аргументацию уж никак нельзя было назвать „новым мышлением”, однако не было тем, которые бы они отказывались обсуждать. Еще одно существенное отличие между конференцией нынешнего года от прежних. Не было открытого присутствия сотрудников КГБ, в прошлом сопровождавших советских делегатов и прерывавших дискуссию в момент, когда она становилась особенно интенсивной. На этот раз советские представители в Чатокуа, официальные лица высокого ранга, обычно недоступные для западных журналистов в СССР, на протяжении целой недели свободно общались с работниками средств массовой информации и публикой. Большинство советских делегатов остановилось в домах жителей Чатокуа, и только наиболее высокопоставленные жили в гостинице „Атэнауи”, но и к ним был открыт доступ в любое время.

Средний возраст участников советской делегации в Чатокуа — приблизительно 40 лет. По советским понятиям, это была молодежная делегация; многим делегатам было по двадцать — тридцать с лишним лет. Были даже моложе — энергичные люди лишь начинающие свою карьеру. Большинство, несмотря на то, что это была их первая поездка на Запад, держались уверенно, и многие хорошо говорили по-английски. Среди них были преподаватели университетов, научные работники, журналисты, переводчики. Как и следовало ожидать, члены этой тщательно подобранной делегации привилегированных людей, будущие советские дипломаты и редакторы газет — горячие сторонники

„нового курса” Горбачева. Их уверенность в блестящем будущем СССР в значительной мере объясняется их поверхностным представлением о болевых точках советской истории, полным отсутствием интереса к ним, а также пренебрежительным отношением к советской молодежи, в большинстве политически пассивной и скептически относящейся к политике советского руководства.

Нет сомнения: стиль и тон советских делегатов изменился, однако заметных изменений в идеях не произошло. В основных вопросах — таких, как, например, Афганистан, не проявилось каких-либо признаков готовности советской стороны изменить позицию. Самое „конструктивное” из предложений советских представителей сделал директор Института международной политики и мировой экономики Евгений Примаков: Соединенные Штаты, полагает он, должны объявить мораторий на поставки оружия отрядам афганского освободительного движения, чтобы Советский Союз вывел из Афганистана большую часть своих войск. Примаков весьма неохотно, но все-таки признал, что в прошлом Советский Союз допустил ряд ошибок по отношению к странам Восточной Европы, однако в дебатах по истории американско-советских отношений профессор МГУ Виктор Мальков полностью игнорировал призывы к „гласности” при обсуждении заключенного в 1939 г. договора между СССР и гитлеровской Германией и повторил старые советские аргументы в защиту этого бесчестного сговора с фашизмом. Советский Союз, сказал Мальков, был вынужден заключить договор с нацистской Германией, поскольку западноевропейские государства пытались умиротворить Гитлера и заняли антисоветскую позицию.

Какую задачу имела советская делегация в Чатокуа? Призыв, который варьировали советские делегаты, был однозначен: мы хотим дружественных отношений с США. Признайте нас, какими мы есть, не выдвигайте нам каких-либо условий. Предоставьте нам кредит на основании того, что мы в настоящее время предпринимаем у себя дома; признайте наши усилия по перестройке советской экономики и общества, но помните, что мы иначе, нежели вы, понимаем демократию. Мы укрепляем, а не ослабляем нашу социалистическую систему; наша партия

не намерена отказываться от монополии на власть и допустить подлинный плюрализм.

Тем самым советские представители напоминали даже наиболее благожелательным участникам конференции в Чатокуа о необходимости сохранять определенную долю скептицизма к их речам.

Сейчас, когда ранее прославляющаяся эпоха Брежнева характеризуется новым руководством как эпоха застоя и репрессий, советские представители утверждают, что необходима не только „демократизация“, но и (как это ни удивительно) „гуманизация“ системы. Более того, термин „гуманизация“ стал одним из новых ключевых слов в их словаре. Так, министр юстиции РСФСР Сухарев говорил о необходимости гуманизации уголовного кодекса СССР, а проректор МГУ Добренков в тот же день подчеркивал важность „гуманизации“ советской системы образования. Однако, в Чатокуа прибыли и такие люди, как, например, Самуил Зивс, который совсем недавно, при Брежневе, неоднократно отрицал, что в СССР подавляются права человека, и защищал непогрешимость советской демократии. Когда я спросил его, почему мы должны верить его нынешним заявлениям, Зивс, который является заместителем председателя советского антисюнистского комитета (и который наверняка заявит, что он лучший друг Израиля, как только отношения между СССР и Израилем нормализуются), смог ответить лишь, что правоту его прежних высказываний подтверждает предстоящее облегчение советской политики в вопросе еврейской эмиграции.

В искренности советской политики „гласности“ заставляют сомневаться и „официальные“ религиозные представители, присутствие которых в Чатокуа должно было продемонстрировать религиозную свободу в СССР.

Лидер мусульман в СССР муфти Бабаханов старался держаться незаметно. Однако когда на сессии о религии активистка движения крымских татар Айше Сейтмуратова (живущая ныне в США. — Ред.) отметила, что муфти, представляющий 50 млн. мусульман, не включен в список выступающих, Бабаханов встал и повторил типичные для советских газет фразы о благополучии мусульман в СССР и о том, что все они за мир. Так же

он игнорировал призыв Сейтмуратовой вступить за мусульман, находящихся в заключении за распространение религиозной литературы.

Случалось, что и наиболее рафинированные и хладнокровные советские представители попадали впросак. Так, например, Владимир Познер, обычно очень эффективный пропагандист, поразил американскую аудиторию рассказом, который должен был подтвердить наличие цензуры в США. По словам Познера, репортер одной из кливлендских газет лишился работы за то, что осмелился написать статью о неудовлетворительных условиях на расположенной в окрестностях города атомной электростанции, начальство которой было в хороших отношениях с владельцами этой газеты. Однако вслед за Познером, неожиданно выступил находившийся среди публики сотрудник газеты, сообщивший, что этот, якобы уволенный репортер, не только продолжает работать, но и опубликовал целую серию критических статей об упомянутой электростанции. Таким образом, заявление Познера за несколько минут до этого выступления, что свободы печати нет ни в США, ни в СССР, но только в СССР знают об этом, а в США нет, оказалось бумерангом, ударившим по нему самому.

На этой же сессии политический обозреватель Александр Бовин, играющий важную роль в развитии политики гласности, уже в начале обсуждения свободы печати, заявил, что такой свободы никогда не было, нет и не будет. Почему? Да потому, сказал Бовин, что нельзя жить в обществе и быть свободным от общества. У каждого из нас свои ценности, которые мы защищаем и за которые боремся. „Я, например, против войны, я за мир, я против капитализма и за социализм, я против зла и за добро, против фальсификации и за правду“, — сказал Бовин. Иными словами, по Бовину, сотрудники печати — это в первую очередь бойцы на фронте идей и идеологий. С этой же точки зрения Бовин объяснил суть гласности. „Сейчас, — сказал он, — свобода печати означает для нас обеспечение максимальной эффективности печати как орудия, необходимого для обеспечения проводимой в СССР перестройки“.

Вслед за ним Леонид Доброхотов, сотрудник ЦК КПСС, подчеркнул, что гласность предоставляет всем советским

гражданам право выступать с критикой, но только критика эта должна быть конструктивной.

Наиболее отрядным событием конференции в Чатокуа была встреча с мужественной и в то же время исключительно мягкой женщиной — ведущим советским социологом, теоретиком перестройки Татьяной Заславской. Ее откровенный и трезвый подход к внутривластным и экономическим проблемам СССР — лучшее доказательство, что среди близких к горбачевскому руководству людей есть серьезно заинтересованные в существенных и далеко идущих реформах. Но если не считать Заславской, в Чатокуа было мало подтверждений нового мышления. Хотя советские гости признавали необходимость критической оценки прошлого, эти их заявления звучали не очень искренне.

Советская сторона не выполнила и своих обязательств широко осветить конференцию в Чатокуа в советской печати. Я внимательно следил за советской прессой, но нашел там лишь крохи, а напечатанные в „Правде”, в „Известиях” и „Новом времени” статьи были весьма тенденциозными. Правда, по советскому телевидению показали выступления директора института Кеннана Питера Реддавэя, который призывал говорить на конференции в Чатокуа о тех факторах, которые разъединяют СССР и США, а не заниматься „сентиментальными излияниями”. Однако сессии по вопросам юстиции и прав человека, в которых участвовал Реддавэй, не показывали по советскому телевидению и не освещали в советской печати, хотя советские представители в Чатокуа ежедневно заверяли участников конференции, что в Советский Союз через спутники связи постоянно передаются телевизионные сообщения о конференции и что она „широко” освещается в советской печати. Советская сторона не позаботилась о том, чтобы советское население узнало о полезных дискуссиях, происходивших в Чатокуа, чтобы советские граждане могли самостоятельно сделать выводы по тем проблемам, которые обсуждались на конференции, что свидетельствует об отличиях „гласности” для внутреннего потребления от „гласности” на экспорт.

Билл Брэдли

ОБЪЕДИНЯЮЩИЕ И РАЗЪЕДИНЯЮЩИЕ ФАКТОРЫ В АМЕРИКАНО-СОВЕТСКИХ ОТНОШЕНИЯХ

Выступая в Чатокуа, в этом уникальном американском городке, я хотел бы поделиться с членами советской делегации и со всеми присутствующими своими мыслями о том, какие отношения с Советским Союзом хотели бы иметь американцы и что в этом плане мне кажется возможным сделать.

Как и вы, я наблюдаю за тем, что происходит в СССР. Как и у вас, у меня возникает множество вопросов о будущем развитии американо-советских отношений. Они вызывают сомнения и озабоченность, но есть и надежда. Сегодня я буду говорить о своих надеждах.

Нынешняя встреча советских и американских граждан совпала, быть может, с моментом исторического перелома — она происходит в исторический момент, когда двери, оставшиеся в течение долгого времени закрытыми, могут открыться и станут видимыми новые цели, новые маршруты прогресса и надежд для всего человечества. Еще Достоевский утверждал, что среди живых созданий лишь человек не имеет точной формулы поведения в определенных обстоятельствах. Поэтому только от нас зависит, сумеем ли мы войти в открывающуюся дверь или она захлопнется перед нами. Вовсе не наше высокомерие, а сама действительность подсказывает нам, что из всех сил, определяющих ход дальнейших событий, два народа будут играть важнейшую роль; кажется, исполняется пророчество Токвиля, что одержимости волей провидения Америка и Россия разделят ответственность за судьбу значительной части мира.

В обеих странах есть люди, полагающие, что семена новой